

Заколдованный ОСТРОВ

Алексей Корепанов

Алексей Яковлевич Корепанов

Заколдованный остров

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17413088
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Неторопливо и размеренно течет жизнь Влада в городе на Острове, окруженном Водой. Но в этой жизни гораздо больше неприятностей, чем хоть чего-то, похожего на радость. Он находится в непрерывном напряжении, живет в ожидании беды. И однажды в руки Владу попадает некое кольцо. Он начинает понимать всю странность собственного положения и надеется на коренные перемены. Кажется, он нашел правильный путь, и этот путь должен изменить его горькое существование...

Содержание

1	5
2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Корепанов

Заколдованный остров

*Едва мы к берегу настолько подались,
Что испугали птиц своими парусами,
Как виселицы столб открылся перед нами...*

Шарль Бодлер

1

Утро было самым обыкновенным, но со стороны обрыва вдруг подул слабый ветерок. Он слегка качнул увядшие темные цветы на клумбе у дороги и, дав о себе знать, почти сразу же исчез. В его мимолетном появлении не угадывалось никакой угрозы, однако Влад почувствовал, как всколыхнулась в душе привычная тревога. Кто знает, чем обернется этот ветерок, не предвестник ли он разгула стихии?

«Всегда в ожидании, всегда в тревоге и ожидании беды, – подумал он и отодвинул бокал с недопитым пивом. – Как все это утомляет... Это ощущение безысходности, обреченности, когда от тебя ровным счетом ничего не зависит... Ну чем ты остановишь Воду, как ускользнешь от Белого Призрака?...»

Он вздохнул и с силой откинулся на спинку легкого плетеного кресла, затрещавшую от такой нагрузки. И уныло посмотрел на небо, вовсе не рассчитывая обнаружить там ответ на свой вопрос. Небо было привычным – серым и низким, – и не происходило в нем никакого движения. Вообще ничего не происходило. Небо было застывшим, оно никогда не приближалось и не удалялось – в отличие от Воды.

Влад еще раз вздохнул и перевел взгляд с небес на землю. Обнесенная невысокой резной оградой небольшая площадка, уставленная столиками и креслами, располагалась у

боковой зеркальной стены кафе и чуть возвышалась над серыми каменными плитами тротуара. Мостовая находилась гораздо ниже уровня тротуара, через равные промежутки виднелись на ней квадратные сточные решетки, и Влад в который раз подумал о том, что вряд ли эти решетки смогут помочь в случае большой беды. По обеим сторонам улицы, за массивными каменными столбами фонарей, тянулись глухие серые стены домов под чуть покатыми красноватыми черепичными крышами. Кое-где в стыках камней бледно зеленели узкие полосы мха, внося хоть какое-то разнообразие в монотонную поверхность стен. Но полосы эти не радовали глаз: слишком уж редкими они были, слишком невзрачными, а если провести по этому шершавому ссохшемуся мху ладонью – он осыплется, превращаясь в труху. И ворота, ведущие во дворики, везде были почти одинаковыми, словно никто не хотел выделяться, привлекать ненужное внимание.

«Наказать, что ли, слугам покрасить мои ворота в какой-нибудь яркий цвет? – тоскливо подумал Влад, машинально крутя пальцами недопитый бокал. – А зачем? Как бы не накликать... Заявится, завоюет у дверей – и все здесь останется по-прежнему. Только уже без тебя...»

Шагах в трехстах от кафе неширокая улица делала поворот и уходила к невидимому отсюда обрыву. А если идти по ней в противоположную сторону, то попадешь на площадь – центр десятка близлежащих безликих кварталов. Площадь неразрывно, как иголка с ниткой, была связана с вечерами,

с тускло горящими шарами фонарей, с невнятным бормотанием толпы, время от времени перемежающимся неожиданными всплесками громких бессмысленных выкриков. Площадь была связана с бешеными ударами сердца, шумным тяжелым дыханием, взмокшей от пота спиной, помрачением сознания и непонятным чувством омерзения... Почему возникало это чувство, откуда оно бралось, из какого грязного источника? Или оно было беспричинным? Но почему — именно на площади? Почему именно по вечерам?...

Омерзение... Как будто мало тягостного ощущения подавленности, ощущения собственной никчемности и ненужности, как будто мало вечной тревоги, вечного ожидания самого худшего, что может принести любое следующее мгновение...

Влад с очередным длинным вздохом повернулся к зеркальной стене кафе, безразлично отражавшей каменные плоскости улицы, и наткнулся взглядом на безжизненные глаза своего зеркального подобия. Из глубины стены на него смотрел худощавый темноволосый парень. У парня было бледное узкое лицо с глубоко посаженными, неопределенного цвета глазами, небольшим, слегка вздернутым носом и скорбно поджатыми бескровными губами. Короткая, не закрывающая коленей лиловая туника выглядела какой-то помятой, несвежей, хотя слуга принес ее в спальню прямо изпод утюга, и где это можно было помяться с самого утра?

Сегодня лиловая, а вчера была синяя, а позавчера, кажет-

ся, что-то клетчатое... или в крапинку? Прошедшие дни сливались в одну серую полосу, все совершалось однообразно, в раз и навсегда установленном тягучем и тягостном ритме, и ничего не запоминалось – потому что нечему было запоминаться. День за днем, день за днем – размеренное течение времени, не течение даже, а стоячая вода. И даже если очень захочешь – не вспомнишь, что происходило два дня назад... да и не о чем вспоминать... Просыпался, завтракал, слонялся, обедал, бродил, пил, куда-то шел, смотрел, слушал, сидел, бродил, ужинал... Можно обойти город по часовой стрелке. Можно обойти против часовой стрелки. Можно пересечь его наискосок из конца в конец. Можно забрести на поля или пастбища. И вернуться. Куда бы ты ни зашел, всегда приходится возвращаться. Потому что дальше идти некуда. Потому что кругом Вода. Со всех сторон. Потому что есть небо, есть Вода – и есть Остров.

На картине, отражавшейся в зеркальной стене, появились новые изображения. Влад полуобернулся к улице, проводил равнодушным взглядом чьих-то двух направлявшихся за покупками слуг. Полуголых, в коротких серых фартуках, которые прикрывали только низ живота, с большими плоскими глиняными блюдами на обритых наголо головах. Тут же вслед за ними выскочил из-за угла коротышка в пятнистой безрукавке, с мотком провода на одном плече и сумкой на другом. Цыкнул на слуг, проскользнул между ними и целеустремленно помчался дальше – дежурный электромонтер

спешил по вызову устранять неполадки.

«Просьпаются, начинают суетиться», – подумал Влад, окончательно отставив бокал: не хотелось ему больше пива. Ничего ему не хотелось.

Потом он вспомнил, что вентилятор в спальне гудел с утра подозрительно громко, как-то натужно гудел, словно из последних сил – и надо бы сказать Бату (так, кажется, зовут его слугу-распорядителя?), пусть тоже вызовет электрика. Хотя Бат и сам бы мог догадаться. Куда годится такой слуга, который не следит за тем, как работает вентилятор в спальне хозяина? Что их всех – тыкать носом постоянно, что ли? К чему держать таких слуг, которых постоянно надо тыкать носом?

Он сказал себе, что не стоит раздражаться с самого утра, потому что и так тошно, а если, к тому же, и раздражаться... Найдутся еще поводы для того, чтобы раздражаться – день только начинается. Всякие возможны неприятности – и мелкие, и покрупнее, так что побережь себя нужно, не взвинчиваться по пустякам. Хотя для чего беречь-то?...

Позади раздались приближающиеся голоса. Влад, наклонив голову, искоса взглянул через плечо. От распахнутых настежь дверей кафе, держа в каждой руке по бокалу с пивом, ленивой походкой брели к столикам два горожанина в легких просторных накидках: один – в полосатой бело-зеленой, другой – в полосатой же бело-голубой. Накидки были перетянуты роскошными поясами, впечатляющими разноцвет-

тьем со вкусом подобранных камней. На пальцах утренних посетителей кафе красовались перстни и кольца, на запястьях тускло поблескивали широкие браслеты с выгравированными узорами, покрытыми цветной эмалью. Влад погладил свой одинокий перстень с полупрозрачным красным каменным огоньком и слегка усмехнулся: каждый волен украшать себя по собственному желанию и вкусу. Носят ведь и цепи на шее, и замысловатые узорчатые пластины в прическах, и серьги, и ожерелья – кому что нравится... Лишь бы не в тягость было. Серебряный обруч у Дилии на голове, контрастирующий с ее густыми темными волосами, – красиво? Красиво. А массивный плоский перстень у этого мерзавца Мастодонта? Тоже красиво. И не только красиво...

«Сволоочь! – Влад невольно провел ладонью по подбородку и стиснул зубы. – И никакой управы на него не найти...»

Обладатели восхитительных поясов расположились за столиком по соседству. Их бородатые широкие лица были ему смутно знакомы. Возможно, он видел их в каком-нибудь кафе. Очень даже может быть – и в этом самом. Возможно, встречал на улицах или на площади. «Площадь!» – Влада передернуло. Или это и вовсе были соседи по кварталу – мало их, что ли, соседей, всех не упомнишь. Да и чего их всех упоминать? У каждого своя жизнь и свои дела... или и вообще никаких дел нет...

Бородачи неторопливо обсуждали вкусовые качества пива, и Влад наконец сообразил, где их видел. А видел он их не

более чем четверть часа назад, здесь, в этом кафе, когда делал заказ у неповоротливого вислющекого хозяина. Они сидели в углу, в полумраке кафе, возле крохотного бассейна, и, кажется, что-то пили и ели. Он забрал свой бокал и вышел на воздух, а они остались. А теперь вот и их потянуло из-под крыши на простор. Впрочем, какой там, к черту, простор... Небо – та же крыша. И стены тоже есть, их вовсе не обязательно видеть, они ощущаются, они неизбежны...

Бородачи ослабили свои великолепные пояса и продолжали отхлебывать из бокалов, а Влад безучастно смотрел мимо них, погружившись в привычное болезненное полуоцепенение. Прохожие шли себе по своим делам, – а у него не было никаких дел. Ему некуда было идти.

За соседним столиком сменили тему разговора. Теперь речь у них пошла о Белом Призраке, и у Влада привычно сжалось сердце. Опять!.. Опять кому-то не повезло – если уместно здесь такое слово. Разве это простое невезение – уход из жизни?

Белый Призрак... Зловещий Белый Призрак... Уж его-то присутствие в Городе не забывалось, как забывались лица прохожих и соседей по столу и у стойки в разных кафе. Как забывались однообразные тусклые дни, похожие на вечно серое застывшее небо. Белый Призрак появлялся, исчезал и вновь появлялся так же неотвратимо, как на смену ночи приходит день, который обязательно завершался, в свою очередь, ночным мраком и мгновенным провалом в сон, сто-

ило только коснуться головой подушки. Он появлялся каждый вечер то в одном, то в другом дворе, и никогда нельзя было угадать заранее, под чьим окном в следующий раз завоет он в обомлевшей вечерней тишине. Сегодня он возникал в квартале, выходящем к причалу, а завтра мог объявиться в противоположном конце Города, у домов вдоль полей. Или в соседнем дворе. Или где-нибудь еще. Например, на кромке твоего бассейна, или у колоннады, окружающей твой сад, или у двери твоей спальни... Белый Призрак ни у кого долго не задерживался: исполнив свою мрачную песню, он исчезал. А наутро обнаруживалось, что исчез и один из живущих в доме. Кто-нибудь из слуг. Или сам хозяин. Тот, кто исчезал, больше никогда не возвращался. Никогда...

Белый Призрак был вестником Смерти. Ее призывной трубой. Ее орудием. А возможно, это и была сама Смерть, целенаправленно, скрупулезно и неустанно забиравшая тех, кто до дна исчерпал дни и часы своей жизни, у кого вышел срок пребывания под этими небесами. Стар ли ты или молод, весел или угрюм – не имеет значения. У Смерти свои критерии. И кто может поручиться, что сегодня она не придет именно за тобой? А ведь даже если жизнь твоя тосклива и пуста – ох, как не хочется расставаться с ней, терять ее, как не хочется уходить в вечную страшную тьму! Нет, все что угодно: мучиться, скучать, тосковать, – но здесь, именно здесь, а не там. Все что угодно – только не это...

Влад скрипнул зубами и с ненавистью посмотрел на боро-

дачей, заставивших его думать о том, о чем и так никогда не забывалось. Тот, чье имя они называли, тот, исчезнувший этой ночью, был ему незнаком, но Владу было жаль этого человека. И не из-за любви к людям, а по иной причине: на месте забранного Смертью мог оказаться и он, Влад. А себя он жалел. Жалея того, другого, он жалел себя. Он боялся Смерти. Он каждый вечер холодел от ужаса, вслушиваясь в тишину за окном и с замиранием сердца ожидая, что вот-вот разорвет ее в клочья убивающий душу вой. И единственным спасением было провалиться в сон и захлебнуться его черной тягучей пустотой.

Правда, пустота не всегда оказывалась пустотой. Иногда мелькали в ней какие-то тусклые видения, которые он почти не мог вспомнить наутро. Оставались только тени, тени теней, совершенно отстраненные от возможных своих подобий во внешнем мире. Чем они были – тенями воспоминаний? И порой среди этих теней возникало девичье лицо... Вернее, всего лишь полунамек на девичье лицо, как отражение в глубине колодца, как что-то мелькнувшее и тут же скрывшееся за углом. Одно и то же лицо. Постоянно одно и то же лицо. Не лицо Дилии, нет. А чье? Была когда-то мимолетная встреча на улице? В кафе? На площади?

Он не помнил.

Вроде бы мелочь, пустяк – мало ли что там снится, и не все ли равно, что снится? Но заноза эта тоже прочно сидела в его душе, отнюдь не добавляя ярких красок каждодневному

существованию. Невесело жилось ему под серыми небесами.

И еще ему чудилось нечто странное в том девичьем лице из его снов. И дело тут было вовсе не в чертах и не в пропорциях... а в чем же? В выражении? Что именно было странным?

Нет... не вспоминалось...

Громкий голос разносчика нарушил оцепенение Влада.

– Сегодняшняя газета, горожанин, – сказал разносчик. – Последние новости.

Он стоял возле столика, слегка переминаясь с ноги на ногу, словно ему не терпелось шлепать дальше босиком по гладким камням мостовой. Или просто у него схватило живот. Это был курчавый тонкий паренек, от пояса до ссаженных коленок обмотанный куском светлого, уже изрядно заношенного и запачканного полотна, с большой холщовой сумкой на остром плече, плотно набитой газетами.

Влад, стиснув зубы, непонимающе смотрел на него, потому что все еще находился в плену у своих мыслей.

– Сегодняшняя газета, – чуть поморщившись, повторил паренек, предполагая, видимо, что горожанин сверх меры накачался пивом. Или не только пивом.

Влад обвел взглядом столики. Бородачи уже удалились, но на открытой площадке кафе появились новые посетители – мужчины просыпались и шли встречать очередной день. Сообразив наконец, что от него хотят, Влад кивнул, и паренек тут же выложил газету на столик и поспешил обслуживать

других.

«Ежедневная», – прочитал Влад отпечатанное витиеватыми черными буквами название, мрачно распростершееся над колонками сообщений. Шрифт сообщений был мелким, слова казались грязными следами каких-то неприятных насекомых, вдоволь набегавшихся по сероватой бумаге. Влад навалился грудью на столик и неторопливо и равнодушно начал скользить взглядом по строчкам, не особенно вникая в смысл того, что читал. Он знал, что нет и не может быть там ничего интересного.

Так оно и оказалось. Магистрат сообщал о начале работ по вскрытию мостовой и замене водопроводных и канализационных труб в одиннадцатом квартале. Влада это совершенно не касалось, потому что одиннадцатый квартал, насколько он помнил, находился на другом конце Города, далеко от его дома.

Праздношатающимся горожанам рекомендовалось не совать свой нос на поля и не мешать уборке урожая. Городским стражам давались соответствующие полномочия по пресечению желания праздношатающихся горожан поваляться в созревших хлебах. К Владу это тоже не относилось, так как, насколько ему помнилось, он никогда не испытывал потребности топтать злаки – ни во время уборки урожая, ни до и ни после.

Ткацкая фабрика извещала об изменении номера телефона своего отдела трудоустройства. И опять же, Владу не бы-

ло до этого никакого дела, поскольку он не собирался трудоустраиваться на ткацкую фабрику. У него даже не было уверенности, что он слышал когда-либо о такой фабрике. Он вообще не собирался никуда трудоустраиваться. Он был из прослойки «высших».

«Высших! – Влад невесело усмехнулся. – Особенно для этой сволочи Мастодронта...»

Какой-то ювелир из двадцать шестого квартала (это, кажется, по дороге к пастбищу) оповещал весь Город об имеющейся у него уникальной коллекции наручных браслетов и предлагал обменять ее частями или целиком на пряжки ремней – по согласию сторон. Это было уже кое-что. Влад не намеревался затевать никакого обмена, но был бы не прочь взглянуть на вещицы ювелира. Он перечитал сообщение и решил, что сегодня сходит к владельцу коллекции. Только не сейчас, а попозже. Скорее всего, после обеда. Правда, вполне возможно, что ювелир несколько преувеличивает уникальность своих сокровищ – просто хочется ему привлечь внимание к собственной персоне... Что ж, даже если и так, вряд ли стоит на него за это обижаться. А посмотреть не мешает.

Среди прочих нисколько не задевающих его материалов «Ежедневной» Влад все-таки выделил еще два. Это тоже были объявления. В одном говорилось о том, что кулачные бои в амфитеатре начнутся в половине восьмого. Другое приглашало всех ценителей искусства на концерт Грустной Певицы в кафе возле общественных бань.

Влад отложил газету и подумал, что хоть какое-то разнообразие после обеда ему все-таки обеспечено. Он смутно помнил, что уже слушал Грустную Певицу, и что вроде бы песни ее производили двойственное впечатление. Они одновременно и успокаивали душу, и старались растерзать ее. Ну, а кулачные бои – это кулачные бои. Весьма способствуют послеобеденному пищеварению и заставляют хоть на время отвлечься от невнятных серых мыслей, от болезненного сосущего томления, не позволяющего жить спокойно и радоваться тому, что ты появился на свет, что ты живешь... Хотя от кулачных боев, которые он посетил вчера – или позавчера? или два дня назад? – остались у него какие-то расплывчатые и, самое главное, неприятные воспоминания. Что-то случилось с ним на тех боях, что-то отнюдь не поднимающее настроение – если только он не перепутал кулачные бои с чем-нибудь другим...

И все-таки это был шанс на развлечение, и не стоило упускать его. Правда, и бои, и концерт должны были состояться только после обеда, а сейчас стрелки часов, водруженных на верхушку фонарного столба, показывали всего лишь начало второго. Впереди простиралась безнадежная пустыня времени, которую нужно было как-то преодолеть. Он, конечно же, сразу подумал о Дилии, но для визита было еще слишком рано и, скорее всего, дом Дилии встретил бы гостя запертой калиткой.

Влад, ссутулившись, сидел за столиком, и его обволакивал

вязкий шелест голосов, доносившийся со всех сторон. И не было у пьющих пиво горожан других тем для обсуждения, кроме Воды и Белого Призрака. Эти слова повторялись все чаще и чаще, в их зловещей тени терялись все другие слова, и Владу хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этого ненавистного, заполнявшего все вокруг шелеста.

«Когда же они наконец замолчат?» – с тоской подумал он и прижал ладони к ушам.

Но голоса, словно просачиваясь между плотно сомкнутых пальцев, продолжали звучать у него в голове, и он почувствовал, что еще немного – и весь его съеденный дома завтрак, и все выпитое здесь пиво извергнутся назад, обжигая горло потоком горечи...

Борясь с тошнотой, делая судорожные глотательные движения, он встал, чуть не опрокинув кресло, и на подкашивающихся ногах побрел прочь от кафе в сторону обрыва. И теплые плиты тротуара, казалось, шатались под его босыми подошвами.

Вновь дунул в лицо легкий ветерок, и Владу стало немного лучше. Перестала скапливаться во рту липкая слюна, прекратились позывы к рвоте и он наконец отдышался и вытер слезящиеся глаза.

«Мясо, что ли, было несвежее или пиво дрянное? – подумал он, отплевываясь над сточной решеткой. – Тухлятиной накормили милые слуги?»

Он знал, что дело тут не в мясе и не в пиве.

Не глядя по сторонам, не поднимая глаз на прохожих, Влад добрел до поворота. Окончательно пришел в себя и оторвал наконец взгляд от камней мостовой. Улица шла немного под уклон, превращаясь впереди, через три дома, в обширную, тоже вымощенную камнями, площадку. Площадка упиралась в ограду, широкой дугой уходившую налево и направо. За оградой серела неподвижная поверхность Воды. Эта ровная, без единой морщинки поверхность простиралась, как бескрайнее полотно, притягивая к себе своего двойника – такое же неподвижное небо, и в конце концов сливаясь с ним на подернутом неясной дымкой горизонте. Вода казалась гигантским зеркалом, отражающим небо. Небо казалось таким же зеркалом, отражающим Воду...

Влад дошел до ограды и опустился на каменную скамью. Такие скамьи через равные промежутки стояли вдоль всей набережной, опоясывающей Остров. Он не помнил, видел ли когда-нибудь, чтобы хоть кто-то сидел на этих скамьях. Здесь, в этой части Острова, Вода вдавалась в берег – Владу была хорошо видна часть набережной с все такими же глухими стенами домов и дворов. К застывшей Воде не выходили ни одни ворота, ни одна калитка. Дома горожан словно повернулись спиной к этому отражению неба, и в их серых оштукатуренных кирпичных стенах чувствовались напряженность и постоянное ожидание. Ожидание самого худшего. И Город, и поля, и пастбища были со всех сторон окружены Водой.

Влад не знал, что расположено за горизонтом. Он никогда не думал об этом, никогда не задавался вопросом, откуда и зачем приходит Черный Корабль, который изредка появлялся у причала. Воспоминания о Черном Корабле были смутными, но Влад все-таки помнил – или ему казалось, что он помнит? – что никогда не видел на корабле ни одного человека. Как и на скамьях набережной. Черный Корабль появлялся и исчезал, растворяясь в дымке на горизонте, и, поблуждав в неведомых далях, вновь подходил к причалу. Он не мог найти там, за горизонтом, ничего, кроме все той же Воды. Потому что в мире не существовало ничего, кроме Воды, неба и Острова. Люди жили в Городе на Острове, и не было больше нигде никаких других людей. Влад не сомневался в этой непреложной истине. Ничего иного просто не могло существовать.

От очередного слабого дуновения ветерка поверхность Воды покрылась рябью. Влад нахмурился, встал, подошел к ограде и, наклонившись, оперся на нее широко расставленными руками. Мелкие волны едва слышно плескались внизу в отвесную гладкую серую скалу. Влад прикинул, что поверхность Воды отделяет от набережной расстояние не более чем в два – два с половиной человеческих роста – и это не могло не тревожить. Насколько ему помнилось, вчера или позавчера это расстояние было гораздо больше. А значит – уровень Воды начал подниматься...

Это тоже было источником постоянной боли. Вода в лю-

бой момент могла подняться еще выше, потом еще и еще – и хлынуть на Остров, заливая улицы, дома и поля. Вода в любой момент могла стать союзницей Белого Призрака, послушным инструментом Смерти. Если ее серая поверхность сомкнется над Островом и поднимется к небу, то небо и Вода превратятся в единое целое, и в мире останется только небесная Вода... или Водяное небо... Подъем и опускание уровня Воды не поддавались никаким расчетам и предсказаниям. Эта непредсказуемость, это постоянное ощущение близости готовой разразиться в каждое мгновение беды тоже не давали спокойно жить. Вечная тревога... Что управляло этой необоримой стихией? По каким законам она дышала, то вздымаясь и заливая набережную, то опадая и милостиво разрешая Городу на Острове продолжать свое существование? Влад не знал этого. Наверное, этого не знал никто.

Он смутно помнил пугающие картины того, что или при-
виделось ему в кошмарном сне, или же происходило наяву – серые потоки, мчащиеся вдоль глухих стен и несущие на себе плетеные кресла, мусорные баки и сломанные ветви фруктовых деревьев из разоренных садов. Он помнил людей, застывших на крышах и забравшихся на фонарные столбы...

Да, в каждом дворе наготове лежали плоты. Но куда в случае беды плыть на этих плотях? Кружить над залитым Водой Островом и ждать, когда появится из пучины крыша самого высокого в Городе восьми – или девятиэтажного здания Магистрата, извещающая своим появлением о том, что Вода по-

шла на убыль? Но когда это случится, через сколько дней и ночей? И случится ли вообще?... Смерть достанет с полки другой свой инструмент – Голод, – и раньше или позже, но все-таки отпразднует свою окончательную победу.

Ну разве будешь тут жить спокойно и безмятежно?...

– Думаешь, пора готовить плоты? – спросил кто-то за спиной понуро глядевшего на Воду Влада.

Влад вздрогнул и обернулся, хотя почти сразу узнал голос Альтера. Альтер стоял, скрестив руки на груди и поставив ногу на ту скамью, с которой Влад недавно поднялся, – высокий, белокурый и сероглазый. Одет он был, по своему обыкновению, в едва прикрывавшую плечи накидку цвета черепицы и не доходившие до колен зеленые шорты. Края накидки стягивал тонкий черный шнур, протянутый сквозь окольные светлым металлом дырочки. Шорты были подпоясаны широким, тоже черным, ремнем с простой металлической пряжкой. На правой руке Альтера скромно чернели два перстня – он не любил украшать себя, и в этом был похож на Влада. Зато ногти на босых ногах Альтера отливали перламутром.

Альтер был одним из тех немногих горожан, кого Влад хорошо помнил, как помнил Дилию, мерзавца Мастодронта и завсегдатая питейных заведений Вийона. Он выделял их из остальной массы жителей Города и сразу бы узнал, встретив на улице. А вот другие как-то не запоминались. Даже соседи. Владу нравился этот рассудительный и спокойный мо-

лодой человек, нравилось беседовать с ним, хотя он не мог бы сейчас восстановить в памяти содержание их бесед. Альтер, кажется, тоже принадлежал к прослойке «высших» и не обременял свою жизнь трудом в хлебопекарне, на кухне в каком-нибудь кафе или на той же ткацкой фабрике. Но и к праздношатающимся причислить его было нельзя: он время от времени уходил куда-то по каким-то своим делам и вовсе не казался подавленным или встревоженным, и не жаловался на жизнь. Возможно, он просто смирился с постоянным присутствием угрозы и нашел в себе силы не обращать на это внимания. Или же очень хорошо скрывал смятение, тревогу и томление – те чувства, что навсегда поселились в душе Влада.

Влад повернулся спиной к Воде, присел на широкий верхний край ограды и кивнул, приветствуя Альтера. Тот, не меняя позы, ответил легким поклоном.

– Думаю, если Вода вознамерится погубить нас, никакие плоты не помогут, – ответил Влад на вопрос Альтера.

Альтер чуть склонил голову к плечу, словно вслушиваясь в привычную тишину, и прищурился:

– С чего ты взял, что у Воды есть какие-то намерения? Ты сидишь в своем саду под яблоней, и яблоко падает тебе на голову. Или похуже: с крыши падает черепица, опять же, тебе на голову. Разве у яблока или черепицы было намерение проверить прочность твоей головы?

Влад пожал плечами:

– Не знаю. Не думал об этом. Возможно, это чистая случайность. – Он помолчал немного и добавил: – Но ведь возможно и другое: нечто старается постоянно напоминать нам о том, что наши жизни зависят от него. Вода... Белый Призрак... Это палки, которыми нас лупят, чтобы мы не особенно веселились.

– И как ты представляешь себе это нечто? – подавшись к Владу, с любопытством спросил Альтер.

– Не имею ни малейшего понятия, – искренне ответил Влад. – Может быть, что-то невидимое над нами... или там... – он махнул рукой в сторону горизонта. – Или за небом. И вообще, ничего я не знаю, Альтер. И, наверное, никто не знает. Во всяком случае, такой человек мне неизвестен.

Альтер убрал ногу со скамьи и опустил руки. Потом медленно обошел скамью и сел, не сводя с собеседника какого-то странного взгляда.

– Ничего я не знаю, – почему-то смутившись, повторил Влад.

– А ты не задавался вопросом: почему нас лупят этими палками? В чем, собственно, мы провинились?

– Вот именно, что ни в чем. Я же говорю: просто для того, чтобы мы особенно не веселились, не задирали нос. Хотя я бы не сказал, что у нас тут очень уж весело. Скорее, наоборот...

– Ты сам до этого додумался или как? – с интересом

продолжал допытываться Альтер, поигрывая концами шнура своей накидки.

– Да вроде бы сам, – неуверенно сказал Влад. – А может, и слышал от кого-нибудь. Не помню. А вот ты хорошо помнишь, что делал вчера, с кем говорил, о чем?

– Кто-то лупит нас, чтобы мы не веселились, – повторил Альтер слова Влада, словно не расслышав вопроса. – Любопытная идея... Осталась самая малость: выяснить, кто нас лупит и за что. У тебя нет никаких предположений?

– Да я ведь уже сказал: возможно, что-то в небесах. Или тут, под нами, – Влад постучал пяткой по гладкому булыжнику. – Не нравится ему, что мы колодцы копаем, трубы проложили, постоянно в земле ковыряемся. Беспокоим, одним словом. А вообще, Альтер, все это только слова, сотрясение воздуха. Ничего мы не знаем, и не узнаем никогда, я так думаю. И потом, ты ведь сам только что сказал: яблоко падает на голову по чистой случайности. Так и Вода.

– А Белый Призрак? – не унимался Альтер. – Тоже ежевечерняя случайность?

Влад вздохнул:

– Это да. Согласен. Это Смерть, Альтер. Жизнь рано или поздно приходит к концу.

– А выбор жертвы тоже случаен?

– Наверное. – Влад горько усмехнулся. – Надо бы попробовать спросить у самого Белого Призрака. Может, кто-то и спрашивал... Только где он теперь, этот кто-то? Нет его,

Альтер, и больше уже не будет никогда...

Альтер внимательно взглянул на него и молча кивнул.

Кроме них, на набережной не было ни одного человека. Привычную тишину то и дело нарушали теперь какие-то звуки. Влад не сразу сообразил, что это шелестят листьями деревья в садах за стенами дворов и все чаще и настойчивее бьются о берег волны. Тревожно и тоскливо было у него на душе и он, прервав затянувшееся молчание, неожиданно для самого себя спросил:

– Тебе не тошно жить, Альтер?

Альтер неопределенно повел плечом, вновь чуть наклонил голову набок и начал рассматривать каменную кладку мостовой, потирая руками колени.

– А мне тошно, – не дождавшись ответа, грустно сказал Влад. – Очень тошно. Так тошно, что вот прямо сейчас закрыл бы глаза – и головой вниз. Туда, – Влад кивнул на обрыв за оградой. – Тут ведь глубоко, как ты думаешь?

– Да, тут очень глубоко, – медленно и твердо ответил Альтер. – Это я знаю точно. Но хочу тебя немного обрадовать, только не спрашивай, откуда мне это известно. Просто поверь, я не собираюсь тебя обманывать. Ты не утонешь, Влад. Ты не сможешь утонуть. И если ты даже заберешься на крышу своего дома или еще выше – на крышу Магистрата, и прыгнешь оттуда головой вниз, на камни, ты все равно останешься живым. Не совсем здоровым – да. Но живым. Поверь мне, это не пустые слова.

Влад некоторое время с изумлением смотрел на сидевшего с невозмутимым видом Альтера и наконец неуверенно спросил:

– Ты что, уже когда-то пробовал? Неужели с крыши Магистрата пробовал?

– Нет, я не пробовал, – усмехнулся Альтер. – Не возникало у меня такого желания. Но за слова свои ручаюсь, хотя проверять их не советую: будет больно.

– Понятно... – обескураженно пробормотал Влад. На самом же деле ничего ему не было понятно. – Что ж, если так... Может, это и хорошо... Жить, наверное, все-таки лучше, чем не жить, да? Если бы еще...

Он хотел сказать, что жить было бы гораздо легче и приятнее, если бы не Белый Призрак, если бы не Вода, если бы не эта постоянная тоска, не это томление, – но оборвал себя на полуслове. Бесплезно жаловаться, недостойное дело – рыдать на чужом плече... Каждый человек воспринимает мир по-своему, и никто не сможет понять тебя, и ты не сможешь понять другого. Это не зависит от воли и желания человека. Непонимание себе подобных заложено в человеческой природе. Протестуй, не протестуй – ничего не изменишь...

Влад не знал, на чем основана такая убежденность Альтера, но чувствовал, что тот говорит правду. Скорее всего, Альтер помнил то, чего не помнил он, Влад. Может быть, Альтер помнил и что-нибудь другое?

– Черный Корабль, – сказал Влад. – Откуда он берется,

зачем к нам приплывает? Почему на нем никого нет?

— А почему вслед за ночью приходит день? — в голосе Альтера Владу послышались какие-то непонятные нотки. — И почему день всегда сменяется ночью?

— Но это ведь совсем не одно и то же, — в растерянности возразил Влад. — Это совершенно разные вещи.

Альтер откинулся назад, приподнял бровь и вопросительно взглянул на собеседника:

— В чем же разница?

— Ну, ведь его же кто-то построил, этот Черный Корабль. Он же не каждый день здесь появляется... Он ведь приплывает с какой-то целью...

Альтер опустил голову и, пошевеливая босыми ступнями, принялся разглядывать перламутровые ногти на ногах. Владу внезапно показалось, что вели они уже с Альтером такой разговор. И даже, может быть, не один раз. Вчера. И позавчера. И три дня назад.

— А с какой целью ночь сменяется днем? — Альтер вновь перевел взгляд на Влада, и во взгляде этом чудилось Владу тоже что-то непонятное. — С какой целью Вода окружает Остров? Кто создал день и ночь? Кто создал Воду и Остров?

— Ах, вот так?... Тогда, конечно... Значит, ты считаешь... — Влад внезапно замолчал.

Кажется, он понял. Эти странные интонации и выражение глаз Альтера говорили о том, что тот действительно знал гораздо больше, чем знает он, Влад. Знал и помнил. Помнил

и знал.

«Но почему? – подумал он, чувствуя что-то похожее на зависть и обиду. – Чем он лучше меня? Чем он отличается от меня? Неужели я забуду этот наш разговор, а он – нет? А если постараться, очень-очень постараться – и тоже запомнить?»

– Кто-нибудь пытался уплыть отсюда на Черном Корабле? – медленно спросил он, напряженно следя за выражением лица Альтера. Тот задумчиво глядел куда-то вдаль.

Альтер вновь усмехнулся:

– Твои вопросы интересны, но с чего ты взял, что мне известны ответы? – Он встал и, раскинув руки, с наслаждением потянулся, словно только что выбрался из постели. – Насчет палок ты хорошо сказал, Влад. Любопытная мысль.

– А! – разочарованно махнул рукой Влад. – Сотрясение воздуха. Ты прав: день сменяется ночью именно потому, что день сменяется ночью. Черный Корабль приплывает потому, что Черный Корабль приплывает. И так далее.

Теперь ему уже не казалось, что Альтер знает нечто, неизвестное ему, Владу. Просто все дело в манере вести разговор. Этакая загадочность... А в действительности-то за этой загадочностью ничего и нет. Пшик. Пустота. Ненаполненный бокал. Туманные намеки на некие тайны, ведомые только ему, посвященному... Сие долженствует возвысить Альтера в глазах других, а это ведь так тешит самолюбие...

А на деле никто ничего не знает. Никто. Ничего. Никогда.

«Какая мне, собственно, разница, лупит меня кто-то или нет? – ощутив новый прилив привычной тягучей тоски, подумал Влад. – Какая разница?...»

– Ну ладно. Пора идти по делам, – сказал Альтер, рассеянно глядя на колышущуюся Воду.

Он, прощаясь, приподнял раскрытую ладонь и неторопливо направился вверх по склону.

«По делам... – Влад уныло вздохнул. – Ну что, вернуться в кафе и позвонить Дилии? Пожалуй, теперь визит уже не будет слишком ранним».

2

Калитка Дилии была еще на замке. Однако открылась почти сразу после того, как Влад дважды прижал пальцем белую костяную кругляшку звонка – служанка получила соответствующие указания от хозяйки, и Влада ждали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.